

ЛИТЕРАТУРА

1. Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике / Отв. ред. Н. С. Чемоданов. М.: Прогресс, 1975. С. 34-42.
2. Там же. С. 40.
3. Эрвин-Трипп С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике / Отв. ред. Н. С. Чемоданов. М.: Прогресс, 1975. С. 320-336.

*Татьяна Иосифовна БОРКО —
доцент кафедры
зарубежной литературы,
кандидат философских наук*

УДК 133.4+39 (571.12)

***ОСЬ МИРА («AXIS MUNDI») В ПРОСТРАНСТВЕ
МИФА: ОТ АРХАИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ
К ДИСКУРСИВНОМУ ПОНИМАНИЮ***

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются характерные для шаманской картины мира образы, наиболее ярко воплощающие идею «Оси Вселенной»; намечается эволюция значений символа на разных этапах осмысления пространства.

The author considers the symbol «Axis of the World» in the mythology of Western Siberia ingenious peoples. The notion can be used for the reconstruction of the World Picture in the traditional cultures.

Возникновение в мифологии образа Оси Вселенной предполагает наличие уже сложившихся и систематизированных представлений о строении мира, о его структуре, о месте человека в космосе. Разумеется, в архаическом сознании идеи о мироустройстве, о сферах обитания людей и богов не выведены на уровень дискурса, но могут объективироваться в неявных ощущениях, в интуитивных прозрениях мифа, в художественных формах искусства. В любом случае, картина мира – всегда гипостазированный объект. Воссоздается ли она в рамках науки или религиозного мировоззрения, она является результатом определенной реконструкции исследователя, ставящего себя в позицию внешнего субъекта к объекту исследования. Не сама культура создает картину мира, ее воссоздает ученый с позиций своего времени, на основе определенной методологии, в рамках определенного мировоззрения. В статье мы попытаемся определить наиболее значимые образы, с помощью которых описывается действительность в традиционных культурах Сибири.

В процессе реконструкции картины мира в сибирском шаманизме обнаруживается, что она включает архаический пласт верований и претерпевает на протяжении своего существования значительные изменения. Осмысление начинается с первоначальных неясных попыток описать мир по аналогии с известным и завершается построением четко структурированной модели, в которой каждому элементу бытия отведено определенное место. Рассматривая шаманские представления о космосе в их эволюции, мы увидим, что в любой из систем наиболее значимым является образ оси мира. Попытаемся выяснить, почему в мировоззрении шаманизма эта идея столь актуальна.

Специфическая черта шаманского космоса в проницаемости границ. Семантическим ядром космологических построений является представление о медитативной функции шамана, о его возможностях не в воображении, а в реальном физическом облике пребывать в разных мирах вселенной, достигать богов различного ранга.

Если в сознании представителей данной культуры существовала вера в истинность совершаемого путешествия, то должны были возникнуть и идеи о способах передвижения по различным космическим зонам.

В дошаманских архаических воззрениях, на том этапе осмысления мира, когда человек не выделял еще себя из природы, не противопоставлял себя внешнему миру, не существовало и противопоставления сакрального и профанного. Человеку не было необходимости совершать путешествие в иные сферы бытия для встречи с богами. В представлениях древних сверхъестественное находится повсюду, вплетено в реальность, связано с повседневным существованием. Духи и боги, олицетворяющие явления природы, для мифологического сознания обитают по эту сторону реальности. Более того, человек архаической культуры ощущает себя единым целым со всеми элементами космоса. Дело в том, что он описывает весь мир, исходя из самого себя, экстраполируя представления о том, что ему ближе и понятнее, на объекты внешней природы, наделяя их теми же качествами и признаками, какими обладает сам. В результате пространство оказывается столь всеобъемлющим и таинственным, заполненным некоей магической силой, что вещи здесь не имеют линейной связи, но воздействуют друг на друга только непостижимым образом. Каждая часть включает в себе целое, в том числе сам человек отождествляется с беспредельной вселенной. Невероятный образ для рационального мышления, но весьма подходящий для экстатических переживаний, дающих ощущение растворения собственного «я» в безграничной космической бездне. Аффективное эмоциональное переживание единства с огромной вселенной и всеми обитающими в ней существами не дает повода помыслить их отделенными в иные миры. Следовательно, нет необходимости в символе, объединяющем две разграниченные сферы космоса.

Этот образ возникает с появлением представлений о некоей сакральной зоне, противостоящей реальности. На наш взгляд, появление подобных воззрений связано с осознанием человеком самого себя и своего уникального места в мире природы. Попытка самоопределения вкупе с усложнением духовной жизни оказали влияние на восприятие пространства, становящегося более внятным. Во-первых, как только человек противопоставил себя всем остальным объектам внешнего мира, он должен был осознать себя точкой отсчета, от которой расходятся направления по всем сторонам света. Во-вторых, в первоначально нерасчлененной вселенной постепенно выделяются определенные зоны: область для умерших предков (что являлось целесообразным с точки зрения биологической безопасности); места наибольшей концентрации духов; а затем и сферы обитания богов. Как только мир представляется разделенным на две большие половины, в сознании человека с неизбежностью возникает идея некоего стержня, соединительной оси, удерживающей в равновесии всю хрупкую структуру. Этот символ важен не только как стабилизирующий принцип, не позволяющий разрушительным силам хаоса приблизить конец света. Образ столпа мира символизирует также идею связи или перехода из одной области в другую. Именно это значение особо акцентируется в шаманском мировоззрении, так как оно буквально связано с мотивом путешествия. Достичь сферы обитания божеств, либо отправиться в страну умерших предков можно с помощью столпа мира. Остается только выяснить, в каких конкретных образах может объективироваться эта идея.

По сообщениям В. М. Кулемзина [3], в воззрениях хантов существуют представления о шаманской родовой реке, прообразом которой является реальный географический объект. Загробный мир симметричен миру людей и соединен с ним водным потоком. Эта река – Обь, уходя под землю, она течет в обратном направлении. Если умершего переправить в лодке в мир мертвых, он проживает жизнь в обратном порядке до своего рождения и вновь появляется в своем роду как новорожденный. Изложенный исследователем мифологический мотив указывает еще на одно принципиальное значение символа: ось мира является соединением не только пространственных

зон, но обозначает непрерывное течение времени. Безусловно, образ водного потока оказался удобной формой для наглядного представления о движении времени.

Символизм реки встречается во многих традициях. Это река – граница между царством живых и миром мертвых (Лето, Стикс); это и река, обрушившаяся с небес, чтобы очистить грехи с костей умерших предков (Ганг). Это также река, по которой солнце совершает свой суточный путь (Нил). Однако именно для культурных традиций шаманизма характерно представление о водном потоке как о пути, по которому можно, преодолевая течение, добраться до небес с просьбами и молениями к верховному божеству, либо же спуститься в царство мертвых. В воззрениях народов Сибири и Дальнего Востока шаманская родовая река соединяет три зоны космоса. Исток реки находится в верхнем царстве, мыслящемся одновременно и южной стороной земли, связанной с благом и теплом. Русло проходит по среднему миру. Собственно, это реальная река, протекающая по заселенным людьми землям. Устье расположено в нижнем царстве, ассоциирующемся с холодным темным Севером. Своеобразное наложение и совмещение горизонтальной и вертикальной структуры мироустройства стало возможным по причине того, что осмыслению пространства способствует понимание его именно как некой священной зоны, включающей реальные объекты в свою сакральную топографию. Нижнее царство мертвых оказывается одновременно и северной стороной земли, а река, образующая ось вселенной, протекает одновременно и в реальном ландшафте с юга на север.

Образ водного потока тождествен образу мирового дерева, символизирующего соединение всех космических зон и осуществление связи между ними. Шаманские инициации в различных культурных традициях мыслятся как восхождение на небо к богу-отцу по стволу мирового дерева. По корням дерева спускаются в подземное царство мертвых. Н. Ф. Карьялайнен [т. 2; 6: 94] считал, что дерево служит мостиком между небесным и земным мирами не только для шаманов, способных по нему подняться в священные области нумена. Оно воплощает путь нисхождения на землю и для самих богов, спускающихся во время обряда жертвоприношения на вершины деревьев. Комплекс связанных с деревом идей о плодородии, жизненной силе, возрождении достаточно подробно рассмотрел в своей монографии Дж. Дж. Фрэнгер [7]. Все эти мотивы сохранены в шаманских воззрениях, подтверждением чему служит этнографический материал. С деревом связаны обряды появления на свет и проводов покойного, что указывает на символическое значение единства временного потока, в котором прошлое и будущее (царство мертвых, откуда появляются души младенцев) соединено с настоящим. У иртышских хантов рожаящая женщина приходила к подножию священного дерева: в его кроне, на ветвях обитают души-птицы, которые должны вселиться в новорожденного. Исследователи традиционной культуры обских угров сообщают, что обычай захоронения на деревьях — более древний, чем погребение в грунте [5]. Мы сталкиваемся с устойчивой идеей бессмертия души в связи с образом дерева. Еще более отчетливо эту идею иллюстрирует дошедший только в преданиях обычай помещать тело усопшего в ствол дерева для дальнейшего возвращения и возрождения. Любопытная аналогия имеется в иранской мифологии. Пророка Заратуштру выращивает в стволе дерева жизни бог света Ахурамазда. «Владыка Мудрость» сначала помещает в дереве духовную сущность Заратуштры, которая должна через 6 тысяч лет, в период ожесточения борьбы добра и зла получить телесное воплощение. Души шаманов также воспитываются в родовом гнезде. Кроме того, у колдуна имеется дерево-двойник, где хранится жизненная его сила. Если с растением что-нибудь случится, это предвещает гибель самому шаману-хозяину. Дерево – ключевой символ центра, образу которого в горизонтальной плоскости соответствует омфал или пуп земли, превращающийся с появлением пространственной структуры в Столп Вселенной (*axis mundi*). С его помощью оформляются более сложные представления о космосе, о его вертикальном членении по оси,

объединяющей верх и низ. Корнями уходящее в нижний мир, кроной возносящееся в верхний, дерево становится средством организации мифологического пространства.

Разумеется, образ мирового дерева популярен не только в шаманской мифологии, мы найдем его во многих религиозных системах. Следовало бы ожидать, что в иных культурных традициях будут акцентироваться иные значения символа в отличие от шаманизма, в котором дереву приписывается идея соединения космических зон. Действительно, при отсутствии представлений о путешествии шамана в области иной реальности дерево из символа оси мира превращается в иной образ. Так, в религиозных верованиях христианства или маздеизма оно преобразуется в дерево познания добра и зла. Как уже указывалось, в зороастризме оно связано с идеей рождения пророка, в религии парсов — с воскрешением умерших. Из коры этого дерева Гокирн готовят напиток бессмертия. Небесная птица Чинамрош, сидя на его ветвях, разбрасывает на землю семена всех растений [4:289]. Как видим, в данном случае актуализируются иные смыслы. Дерево становится символом божественных даров человеку (знание, мудрость, бессмертие), либо мыслится как прообраз всех существующих растений, но не является мостом между миром людей и царством духов.

Столп Вселенной, служащий для преодоления границ между мирами, может быть воплощен в образе горы. Вершина священной горы вздымается в небеса и достигает места жительства богов. Через пещеру или яму у подножия можно попасть в царство мертвых. Подобные представления существуют в воззрениях алтайских народов. Они считают, что имеется Белый Алтай (чей мифологический образ сливается с существующей в реальности горной цепью) и как его продолжение в подземном царстве расположенный вершиной вниз — Черный Алтай. Иной мир не представляется некоей трансцендентной областью. Он доступен шаманам и вообще рисуется подобным земле живых, правда, с некоторой инверсией значений. Люди ходят там вверх ногами. На них одежды, вывернутые наизнанку. Днем спят, поскольку это время суток в ином царстве темное, ночью же светло, и тамошние обитатели занимаются своими обыденными делами. Вновь мы бы отметили иное значение символа в нешаманских традициях. Как и в случае с деревом, священная гора может быть прообразом всех гор мира. В представлениях иранцев сначала на земле появилась гора Албурз, которая росла на протяжении восьмисот лет. А затем другие горы числом две тысячи двести сорок четыре выросли из горы Албурз [4:277]. Образ горы Каф, опоясывающей весь мир и удерживающей его от разрушения, перекочевал из древнеиранской в мусульманскую мифологию. Гора может быть местом жительства богов, местом сокрытия сокровищ, но соединительным мостиком гора является преимущественно в шаманских воззрениях.

Итак, в мифологических представлениях символическим обозначением мирового столпа служит дерево (таежная зона), гора (Алтай, азиатский регион) или река (у народов, живущих в бассейнах крупных рек). Как можно предположить, на создание ключевого символа повлияли местные географические условия, особенности ландшафта. Образ этот, как правило, служит обозначением пространственной структуры космоса и встречается не только в шаманских воззрениях, распространен значительно шире. Однако именно в шаманизме *axis mundi* приобретает ярко выраженное значение соединения всех космических зон. Ось Вселенной — символ пути, совершаемого шаманом во время своего мифического путешествия. Так как в представлениях народов Сибири проникновение волхва в иные миры мыслится как реальное, то без подобного символа, учреждающего доступность инобытия, картина мира в данной культуре невозможна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашихмина Л. И. О картинах мира у населения Северного Приуралья в древности // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конференции. СПб.: Европейский дом, 1997. С. 182-187.

2. Ермолова Н. В. Река живых и река мертвых в мифопоэтической традиции эвенков // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конференции. СПб.: Европейский дом, 1997. С. 119-126.
3. Кулемзин В. М. Река в мировоззрении хантов // Природа и цивилизация. Реки и культуры: Материалы конференции. СПб.: Европейский дом, 1997. С. 153-157.
4. Сотворение основы (Бундахишн) // Зороастрийские тексты. М.: Наука, 1997. С. 140-352.
5. Новикова Н. Религиозные представления манси о мире // Духовная культура народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1986.
6. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: В 3 т. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 582 с.
7. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 830 с.
8. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 1998. 201 с.

Наталья Николаевна ГОРБАЧЕВА —
доцент кафедры русской литературы
филологического факультета,
кандидат филологических наук

УДК 821.161.1.09

СИБИРСКИЕ РЕАЛИИ В ПРОЗЕ М. АЛДАНОВА 1930-Х ГОДОВ

АННОТАЦИЯ. Объект исследования – повесть «Пуншевая водка», созданная в 1937 г. М. А. Алдановым, ведущим историческим романистом русского зарубежья XX в. Это единственное опубликованное в России произведение писателя, действие в котором разворачивается в Западной Сибири. Предметом анализа в статье является характер использованных в тексте сибирских реалий и их функция.

The author scrutinizes M. A. Aldanov's story «The Punsh vodka» (1937) to define types and functions of Sibirian realia in the text. This story, being the only one on Siberian subject among M. A. Aldanov's works published in Russia, presents a good example of creative regional studies by the leading historical novelist among Russian emigrant writers of the 20th century.

Предваряя постановку цели работы, следует сказать, что в течение уже значительного времени культурологи региона, к сожалению, не могут преодолеть состояния, которое, перефразируя Л. Н. Толстого, можно назвать энергическим региональным патриотизмом. Опираясь историческими фактами, особенно новообретенными, обращаясь к разным по характеру источникам этих фактов, регионоведы склонны подчеркивать их особенную значимость именно и только для нашего края, в том числе для адекватного истолкования преимущественно регионального текста. Но в том и дело, что «региональный факт» позволяет зачастую глубже понять и то, что лежит далеко за границей региональной литературы. Доказательству этого тезиса посвящена статья.

Сибирская повесть М. Алданова «Пуншевая водка» создается в годы, которые были отмечены особым драматизмом: мир стоял на грани новой войны, на родине писателя совершались трагические события, о которых он не мог не знать.

Алданов-философ, историк и художник смотрит в это время на мир не только по-прежнему трезво, но и по-новому горько. Мысль об относительности всех ценностных аксиом занимает его.